
Гэ Баоцюань и Лесья Украинка: творческий контакт

к 100-летию со дня рождения Гэ Баоцюаня

Е. Огнева

В год смерти Леси Украинки (1871–1913) в Китае родился Гэ Баоцюань (1913–2000), признанный знаток украинской литературы. Благодаря Гэ Баоцюаню случайное знакомство китайских читателей, в 1-й четверти XX ст., с переводами на китайский язык отдельных произведений украинских писателей меняется в годы после Второй мировой войны на сначала идеологически заангажированное, а потом и объективное вхождение произведений украинской литературы в культуру Китая.

С именем Гэ Баоцюаня, литератора и дипломата, общественно-политического деятеля и журналиста, который работал в Москве, бывал в Ленинграде (ныне Петербург), напрямую связана активизация переводческой деятельности в конце 40-х и начале 90-х годов XX ст. В 1937 году он был в Ленинграде во время памятных событий посвящённых 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина и, практически до конца 40-х годов XX ст. считался исключительно пушкинистом, занимаясь переводами поэта и в 80-е годы XX века, когда в Китае появились один за другим в новых переводах “Полное собрание лирики Пушкина” под редакцией Гэ Баоцюаня и Ван Шоужэня, “Сборник стихов Пушкина” в переводе Гэ Баоцюаня.

Гэ Баоцюань был настоящим полиглотом и помимо русского владел английским, французским языками. Он полагал себя русистом и славистом в широком плане, так знал письменные украинский, польский, чешский, болгарский, сербский языки [Потічний 1984, 186]; переводил с белорусского (Якуб Колас, Янка Купала), венгерского (Шандор Петефи). Талант, дар дипломата, отменное образование определили высокий социальный статус профессора Гэ. Его избирают членом Академии общественных наук Китая, членом Совета союза писателей, Совета всекитайской федерации литературы и искусства и Совета китайского объединения иностранной литературы. Он занимает должность вице-президента Китайского объединения исследований советской литературы, является ведущим членом Китайской лиги эсперанто, членом редакции изданий выдающихся китайских писателей Лу Синя, Го Можо и Мао Дуня [Потічний 1984, 186].

Гэ Баоцюань умело соединял и творческую деятельность, и дипломатическую службу. Первый Поверенный в делах КНР в Советском Союзе, он был одним из тех, кто прикладывал максимум усилий, чтобы дать китайскому читателю представление о богатом культурном наследии народов СССР, в том числе и украинцев, знакомя китайских читателей с поэзией Тараса Шевченко, Ивана Франко, Леси Украинки [Желуховцев 1982, 141, 142, 144]. Он преподавал в Сычуаньском, Гуандунском [Потічний 1984, 186] и в Нанкинском университетах. Во время приёма в украинском посольстве по случаю 195-летия со дня рождения Тараса Шевченко, именно, в Нанкинском университете его профессор Юй Ичжун предложил создать Центр шевченковедения для изучения творческого наследия поэта и его переводов, над которыми работал Гэ Баоцюань. Активная переводческая деятельность Гэ Баоцюаня не прошла незамеченной. В Украинской советской энциклопедии, ему посвящается отдельная глосса, где говорится что он – автор нескольких книжек о Советском Союзе, переводчик произведений М. Лермонтова, М. Горького, И. Франко, других авторов. Упоминается о том, что на протяжении

1938-1945 он был членом редколлегии органа компартии Китая газеты “Синьхуа жибао” [Гэ Баоцюань 1960, 157]. Гэ Баоцюань и переводил, и отслеживал, когда и каким образом появлялись произведения украинских авторов в стране, проявляя таким образом интерес к рецепции украинской литературы в Китае.

Знакомство китайских читателей с украинской литературой происходит в начале XX ст., когда в 1912 г. стих Тараса Шевченко “Ой три дороги длинные ...” перевёл на вэньянь Чжоу Цзожень, [Чжу Хун, Хе Жунчан 162-163]. Как полагал Гэ Баоцюань, это был первый перевод и первая публикация украинского стиха на китайском языке [Гэ Баоцюань 1987, 139]. Знакомство имело продолжение. Начало 20-х годов XX ст. характеризуется, как эпоха пробуждения национального самосознания китайского общества [Делюсин 1977, 185–191]. Такой контекст поисков деятелей китайской культуры содействовал их обращению к различным произведениям западноевропейских писателей. Именно в это время в Китае впервые становится известным имя украинской поэтессы Леси Украинки, а до-революционная Украина воспринимается порабождённой страной. В 1921 г. Мао Дунь в обновлённом журнале “Сяошо юэбао” (“Ежемесячник прозы”) писал: “Украинцы – люди храбрые и чудесные художники. После опустошающего похода полчищ Чингисхана на эту землю неоднократно нападали также и поляки, и турки, и другие захватчики, но украинцы всегда оказывали им сопротивление, и вопреки сложным обстоятельствам, все-таки сумели приумножить свой литературный талант...” [цит. по: Гэ Баоцюань 1987, 139]. В этом же номере Лу Синь (под псевдонимом Тан Сы) представил свой перевод раздела – Краткая история малороссийской литературы – из исследования Густава Карпелеса (1848–1905) [Гэ Баоцюань 1987, 140; Потічний 1987, 353], немецкого литературоведа и историка еврейской литературы, преимущественно, хотя определённая часть его научных трудов посвящена литературам угнетённых народов.

Именно здесь был издан перевод “Пяти российских пьес и одной украинской” (“Five Russian plays: with one from the Ukrainian) из сборника известного английского журналиста и переводчика К. Э. Б. Робертса (1884-1949), изданного в 1916 году, где украинской оказалась пьеса Леси Украинки “Вавилонское пленение” (The Babylonian Captivity) [“Five Russian plays 1916, 153–173], а её перевод с украинского языка на английский появился благодаря киевлянке Софии Вольской. По определению К. Э. Б. Робертса, пьеса представляет порабощение Украины её могущественными соседями. [“Five Russian plays 1916, xvi]. На китайский язык с английского перевода пьесу, чья проблематика оказалась созвучной поискам китайской интеллигенции, осуществил Шэнь Яньбин (Мао Дунь) [Потічний 1984, 187; Гэ Баоцюань 1987, 140; Чжу Хун..., 1994, 162-163].

Произведения Леси Украинки вновь появляются, в Китае, когда Гэ Баоцюань издаёт в журнале “Sūlián wényì” за 1948 г. (“Литература и искусство в СССР”, № 33 за июль 1948 г., с.101–113) свои переводы её стихотворений и посвящает их публикацию 35-летию со дня смерти Леси Украинки [Огнева 1989, 3]. Это пять стихотворений – “Мой путь”, “Надежда”, “Повсюду плач”, “Вечерний час”, “Играй, моя песня” [Огнева 1991а; Огнева 1991б]. Именно эти переводы с автографом Гэ Баоцюань подарил в Колодяжненский литературно-мемориальный музей Леси Украинки: “Мемориальному музею Леси Украинки // от профессора Гэ Баоцюаня // 14 августа // 1987 года // Гэ Баоцюань, подпись” (илл. 1). И если первые переводы произведений украинских писателей осуществлялись с английского и немецкого языков-посредников, а Леси Украинки с английского, то для Гэ Баоцюаня языком-посредником на первых порах служил русский язык.

Произведения традиционной восточной литературы, и китайской в том числе, вмещают в себя незнакомый, далёкий, который живёт по своим особенным и не всегда понятным представителям другой культуры законам. Таким же закрытым в странах Востока для восприятия является и творчество европейских писателей. Поэтому, именно, переводчик может быть мостом, который соединяет два мира или же, как полагал А. С. Пушкин, переводчик предстаёт в образе почтовой лошади просвещения. Но в какой бы ипостаси не выступал бы переводчик, присутствие его личности в тексте перевода несомненно и обязательно [Черкасский 1982, 184–203]. От его эстетической ориентации, его идейных убеждений, не говоря уже о таланте, зависело – станет ли произведение явлением литературы, или же вызовет удивление, или разочарование психологической и этнической несовместимостью с литературой-восприемницей, поскольку, по мнению академика В. М. Алексеева “...язык не есть только механика звуков и слов, но и механика идей и культурных сплетений” и прочтение текста требует овладения этой высшей механикой.

При выборе текста для перевода основным критерием была, как правило, эстетическая и идеологическая необходимость в том или другом произведении. “Как правило”, поскольку иногда действуют законы коммерции, и другие факторы, мало имеющие отношение к литературным связям [Огнева 1993, 94–100], и по справедливому определению Гэ Баоцюаня позиция переводчика, в основном, зависит от того, что и для кого переводить. Главное не извратить мысль и образы оригинала, воссоздать их приёмами другого языка с поправками на иную реальность, иное восприятие, так как многое в искусстве и литературе не проговаривается, а только делается намек. Связь строк и образов возникает не на грамматическом и даже не на логическом уровне - она ассоциативна, на уровне подсознания. И с точки зрения Сыкун Ту (837–908), средневекового китайского поэта, в поэзии главное – это образ вне видимого, вкус вне ощущения. Без намёка, ассоциации, второго, третьего планов невозможно представить классическую китайскую поэзию.

Именно с такими проблемами столкнулся Гэ Баоцюань при переводе на китайский язык поэзии украинской поэтессы [Огнева 1991б]. Естественно, что в свои переводы Гэ Баоцюань стремился вложить образы, настроение, содержание оригинала, ввести эти произведения в систему китайской поэтической традиции. Именно на приёмы скрытой ассоциации, внутреннего параллелизма, которые всегда считались высшей степенью проявления поэтичности, опирался переводчик, как при выборе стихов, так и в работе над ними. И пейзаж, природа всегда были таким благодатным материалом. Когда мастер-переводчик входит в систему образов переводимого автора, он, как бы перевоплощается, становится тем, кого переводит, а потом начинается обратный путь. И тогда ему нужны указатели, чтобы вернуться на условно твердую поверхность - выполненный перевод в стихии родной культуры.

Исходя из обычной общечеловеческой реакции человека, то есть реакции привлечения внимания, такая роль принадлежит названию. На название направлено сознание представителя любой традиционной культуры, как средневековой, так и современной. Вот названия стихов, отобранных Гэ Баоцюанем для перевода: “Мой путь” (“Wǒdè lù”), “Надежда” (“Xiwàng”), “Повсюду плач” (“Dàochù shì kùshēng”), “Вечерний час” (“Huáng hūn”), “Играй, моя песня” (“Chàng bǎ wǒdè gē”), которые уже оказываются информативными в плане понимания позиции автора, то есть Леси Украинки, и восприятия этой позиции переводчиком. Любой человек, кем бы он ни был, идёт своей дорогой (“Мой путь”). Начало пути всегда

освещает надежда - опора на пути к мечте, помогая сохранить верность идеалам (“Надежда”). Но дорога полна неожиданностей, препятствий, боли, сочувствия к страданиям других, „могут настать минуты отчаяния” („Повсюду плач”). Краткий отдых, возможность возобновить в памяти воспоминания о родине (“Вечерний час”) возрождают новые силы продолжать путь (“Играй, моя песня”). Названия задали координаты пространства поэта: вселенная и люди, родина, Украина – свой народ, отчизна, Волынь – родина и тот, кто воспринимает это единство, – личность поэта.

Сделав такой выбор, Гэ Баоцюань объединил пять стихов в цикл. Целостность пространства закрепляется единством временным: первый стих датируется 22 маем 1890 года (“Мой путь”), последний – 17 августом того ж года (“Играй, моя песня”); тем же самым годом датируется и средний стих (“Повсюду плач”). Не случайным у Гэ Баоцюаня, знавшего биографию Леси Украинки, был выбор стихов по месяцам года. Маю 1890 года предшествовало двухмесячное, по определению Леси Украинки, и восьминедельное, по определению Олены Пчилки, её матери, лежание на так называемом “вытяжении” в Колодяжном. Именно после этого Лесья Украинка писала брату: “Милый Миша! Я воскресла! И снова собираюсь катить в гору “сизифов камень”!, моё вот это двухмесячное лежание в липких кандалах было совсем бесполезеньким, вот так-то абсолютно бесполезным” [Лесья Украинка 1978, 59].

С марта и до мая, с одной стороны – замкнутое пространство, физическая неподвижность, пленённость; с другой – воля духа, для которого не существует земных пределов. Истинный поэт в своём творчестве свободен, а потому бессмертен. Гэ Баоцюань отбирает стих “Играй, моя песня”, поскольку он датируется августом, месяцем физического ухода Леси Украинки из жизни. Меж тем в своём творчестве она осталась свободной, как стихии ветра, волны, как чайка – символ бессмертных в китайской традиции (“Плинь, моя пісне, як хвиля хибкая... Линь, моя пісне, як чайка прудкая... Грай, моя пісне, як вітер сей грає!”) (ил. 6) чей образ во второй половине XX столетия в традиции западной культуры созвучен “Чайке по имени Джонатан” Ричарда Баха [Огнева 1993, 94-100]. Тематическое родство, единство пространства и времени закрепляется целевой установкой поэтессы, высказанной в последних строках первого и последнего стихов: “Бажаю так скінчити я свій шлях. Як починала: з співом на устах!” (“Мой путь”) (ил. 2); „Грай, моя пісне, як вітер сей грає! Шуми, як той шум, що вкруг човна вирує!” (“Играй, моя песня”) (ил. 6). Они связаны содержанием с общечеловеческими проблемами, воссоздают кредо творческого человека, выполняя обрамляющую функцию на формальном уровне.

На лексическом уровне Гэ Баоцюань объединяет в цикл стихи словом *zìyóu* “воля” (“Мой путь” – “братерство, рівність, волю гожу”; “Надежда” – “Ні долі, ні волі у мене нема”; “Играй, моя песня” – “Пісня по волі давно не літала”, “Час, моя пісне, по волі буяти”) (ил. 2, 6). Внутреннее единство цикла объединяется местом события – родина поэтессы, *Wūkèlán* (Украина): “Надежда” – “Надія вернутись ще раз на Вкраїну”; “Повсюду плач” – “Над давнім лихом України / Жалкуєм, тужим в кожен час”; “Вечерний час” – в строках стиха отсутствует название страны, однако переводчик вводит её в комментарий: “на Украине, украшая дома, белят их в белый цвет (ил. 3, 4, 5). При лунном свете они ярко сияют”. Опосредовано, в строке, где упоминается *Fúlín* (Волынь), есть знак, который означает “провинция” и выполняет функцию денотата: *shěng* (провинция) – страна [Огнева 1993, 94-100].

Таким образом, Гэ Баоцюань остановил свой выбор на стихах, которые показывают, что поэтессе присуще отображение действительности посредством поэтических циклов. Сам ли переводчик открыл эту характерную черту творчества Леси Украинки или же у него были отменные консультанты, но Гэ Баоцюань сумел передать эту существенную особенность: согласно наблюдениям В. Просаловой, из 261 стиха Леси Украинки, 120 объединены в 20 циклов [Просалова 1991].

К творческому наследию Леси Украинки в 60-е годы прошлого столетия в Китае, помимо Гэ Баоцюаня, обращались и другие переводчики, в частности, Май Синхуа и Лан Мань [Чжу Хун..., 162-163], которые перевели такие стихи, как “Слезы-перлы”, “Сон”, “Слово мое, почему ты не стало...” (Май Синхуа) и “Начало весны”, “Посылаю листок тебе... издалека...”, “Мой путь” (Лан Мань), что были опубликованы в изданиях: “Мировая литература” (№№7-8, 1962), “Море переводов” (№ 1, 1962) [Чжу Хун..., 162-163]. В 70-е годы XX столетия, когда в политических и дипломатических отношениях Советского Союза и Китая, и, соответственно, в культурных и в литературных контактах происходит охлаждение, как реакция на культурную революцию в Китае, отслеживается новое явление. В 1972 году китайский язык переводится работа Ивана Дзюбы “Интернационализм или русификация?” [Исаева 2002, 1-19]. Устанавливаются контакты китайских учёных с западными украиноведами, такими как Б. Бацюрков, Б. Левецкий, П. Потичний – представители западной украинской диаспоры. Формируются условия для нового, менее зависимого от политической составной, взгляда на украинскую литературу и её создателей.

Обновление литературных контактов Китая и Украины начинается в середине 80-х гг., когда в Китае стал набирать силу политический курс “открытости и реформ” и как результат - преобразуется (по содержанию и формам) рецепция украинской литературы. Издаётся журнал “Советская литература”, а его номер 2 за 1987 год был посвящён украинской литературе, где были представлены в числе других и новые переводы произведений Леси Украинки [Чжу Хун..., 1994, 162-163]. В 1987 году Гэ Баоцюань гостит в Советском Союзе по приглашению Союза писателей СССР. Он приезжает на Украину, проводит несколько дней в Киеве. К сожалению, на Волыни ему не удалось побывать. Знакомство с областью ограничилось письменными и изобразительными материалами, посвящёнными Колодяжному и живописной природе Волыни. Но прекрасная Фулинь, именно так звучит Волынь на китайском языке, воспетая Лесей Украинкой, вновь появляется в творчестве переводчика. Путешествие в Украину вдохновило профессора на новую работу. После возвращения домой Гэ Баоцюань перевёл “Ландыш”, “Звёздное небо” (цикл), “Веснянку”, “Мелодию” (цикл), “Лесную песню” (пьесу) и другие произведения поэтессы. Переводческая и общественная деятельность профессора Гэ Баоцюаня в деле знакомства многомиллионного китайского народа с лучшими достижениями литератур разных народов Советского Союза, в том числе и украинского, была высоко оценена. Учёный и литератор был награждён орденом Дружбы народов, а в 1989г. получает премию имени Ивана Франка, высшую украинскую награду для зарубежных переводчиков украинской литературы.

Гэ Баоцюань продолжал пропагандировать творческое наследие Леси Украинки. В статье “Украинская литература” (т. “Иностранная литература” в составе “Великой китайской энциклопедии”) он упоминает Лесю Украинку, высоко оценивает её творчество и пишет отдельную статью о писательнице. Глоссы о ней присутствуют в таких справочных изданиях, как “Словарь иностранных писателей, переводчиков, литераторов” (1988), “Словарь иностранных писателей

XX ст.” (1991) [Чжу Хун... 1994, 163]. Чжу Хун и Хэ Жунчан, профессора Уханьского университета, переводили прозу Леси Украинки (рассказ “Приязнь” и статью “Новые перспективы и старые тени”) [Чжу Хун, Хэ Жунчан 1994, 163]. Как украинские, так и китайские учёные обратили внимание на общее в творческих позициях Леси Украинки и Цю Цзинь (1875–1907), китайской поэтессы и революционерки, казнённой маньчжурским правительством [Огнева 1993, 94-100; Чжу Хун... 1994, 163]. Хэ Жунчан побывал на Волыни и в Колодяжном, поскольку принимал участие в Международном симпозиуме в честь Леси Украинки в 1991 году по случаю 120-летия со дня её рождения.

Воспоминания Петра Потичного сохранили описание Гэ Баоцюаня после встречи в Китае в 1984г.: “... фигура человека высокого роста, с милой усмешкой на лице и небольшой, полной книжеч, сумкой в руке. Слегка наклонённое вперёд крепкой статуры тело, чёрные волосы, гладкое лицо, живые глаза и сильное пожатие правицы, никак не выдавали 71 год трудолюбивой жизни, много лет, которой посвящено украинской культуре” [Потічний 1984, 187]. На нём не отразились трудные годы культурной революции, работая почтальоном он, сохраняя честь и достоинство, полагал, что в “любое время, человек должен жить с надеждой, не падать духом, и не отчаиваться”.

И когда на политической карте мира возникает новое государство – Украина, благодаря Гэ Баоцюаню украино-китайские литературные связи приобретают новое дыхание. С начала 90-х гг., именно его творческая деятельность содействует становлению и развитию художественного перевода с украинского оригинала без языков-посредников. Впервые возникает вопрос о подготовке профессиональных украиноведов, увеличивается количество переводов, выполненных непосредственно с украинского языка. В апреле 1993 года создаётся Комитет украиноведения при Китайской Ассоциации по иностранным вопросам во главе с Цзяном Чанбином, который полагал, что до начала 60-х гг. XX ст. украиноведение в Китае развивалось неудовлетворительно, поскольку “китайцы изначально попали под влияние русских и особенно советских ученых, и никак не могли от него избавиться” [Цзян Чанбін 1993, 156-157]. Вновь созданный Комитет предполагал заниматься объективным изучением реальной истории Украины, на основе новейших, как украинских, так и западных исследований; подготовкой китайских украиноведов, свободно владеющих украинским языком; развитием отношений с украинскими и другими иностранными исследователями, изучающими историю и современность Украины, её экономику, культуру, искусство; обеспечением участия учёных в совместных разработках [Цзян Чанбін 1993, 159-160]. Особое место в числе указанных задач отводилось художественному переводу.

Активизируется работа Центра изучения Украины при Уханьском университете во главе с профессором Лю Цзайци, составляются перспективные планы его работы. Появляется исследование Лю Дун, в котором анализируется процесс развития научных и культурных отношений меж Украиной и Китаем от 1949 до 1993 гг. и отслеживается постепенное выделение украинской литературы как “самобытной литературы с богатыми традициями и давними культурными источниками”, опираясь на полную библиографию украинских изданий в Китае [Чжу Хун 1994, 162-163].

В 1993г. в Китае выходит энциклопедический сборник “Культура славян” с украинскими материалами в том числе, которые, несмотря на обзорный характер, представляют концепцию украинской культуры, как своеобразную и самобытную, начиная с XIII ст. Происходит новый этап в процессе усвоения украинской

литературы в Китае: для перевода, помимо тех украинских авторов, чьи произведения “были созвучными ауре родной литературы” [Исаева 2002, 1-19], отбирают такие, где доминируют художественные особенности. Китайскому читателю открываются и сочинения украинской классики, в числе которых “Слово о полку Игоревом”, “Кобзарь” Тараса Шевченко, лирика Ивана Франка и Леси Украинки, новеллы М. Коцюбинского), и произведения писателей XX ст., и среди них Олесь Гончар, Григор Тютюнник, Павел Загребельный, Юрий Щербак, Иван Драч, Борис Олійник и другие. Смена парадигмы, помимо других обстоятельств, стала возможной благодаря Гэ Баоцюаню, который в течение пятидесяти лет прилагал усилия для укрепления украино-китайских литературных связей.

Иллюстрация 1.

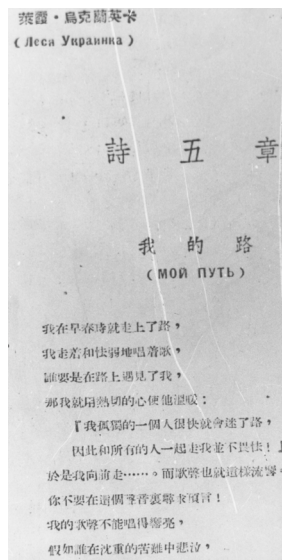

Иллюстрация 2.

希 望
(НАДЕЖДА)

生活可沒有給我幸運，也沒有給我自由，
現在我就僅剩下了那唯一的希望：

希望能重新看見我的烏克蘭
和故鄉中我所親愛的一切，

再眺望一下蔚藍的聶伯河，
就準備立斃死在那兒。

再環顧一下草原上的荒塚，
最後還爲了那些熱烈的日子長嘆息。

命運可沒有給我幸福，也沒有給我自由，
命運了就只有靠著這唯一的希望活着，

Иллюстрация 3.

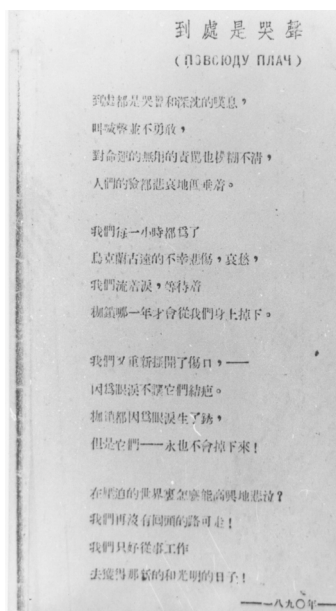

Иллюстрация 4.

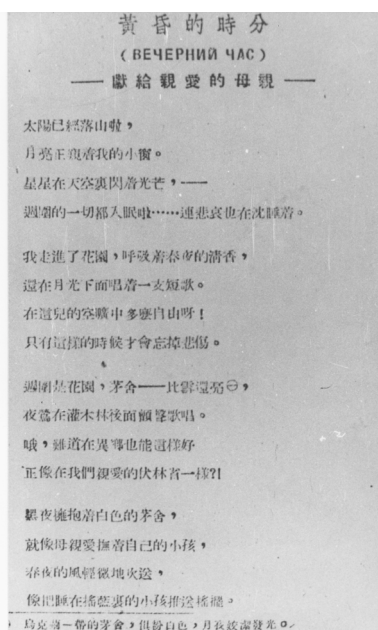

Иллюстрация 5.

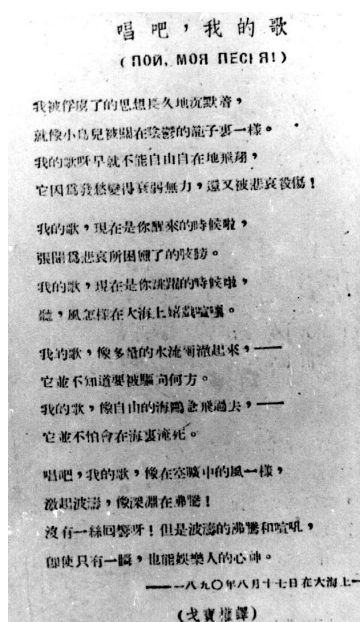

Иллюстрация 6.

ОКРЕМІ УКРАЇНСЬКІ ЛЕКСЕМИ ТА ВИРАЗИ В КИТАЙСЬКИХ
ПЕРЕКЛАДАХ ТВОРІВ ЛЕСІ УКРАЇНКИ

“Сулянь вень і”	蘇聯文藝
“Мій шлях”	我的路
“Надія”	希望
“Повсюди плач”	到處是哭聲
“Вечірня година”	黃昏的時分
“Грай, моя пісню”	唱吧我的歌
воля	自由
Україна	烏克蘭
Українка	烏克蘭英卡
Волинь	伏林
провінція	省
сонце	太陽
місяць	月亮
зірки	星星
переливаються	閃芒
сяють сльозом	光芒
чоловіче начало	陽
ніч	夜
нічні пахощі	夜的清香
нічний птах	夜鶯
темна ніч	黑夜
білий колір	白色
нічний вітрець	夜的風
жіноче начало	陰

Иллюстрация 7.

ЛИТЕРАТУРА

Ге Баоцюань (Ге Бао-цюань) / УРЕ (Українська Радянська Енциклопедія) Т. 3. – Київ, 1960. – С. 157.

Ге Баоцюань. Українська література в Китаї // Всесвіт. – 1987. – № 8. – С. 139–141.

Делюсин Л. П. Дискуссия о культурах Востока и Запада в Китае 20-х годов // Иностранная литература. – 1977. – №1. – С. 185–191.

Желуховцев А. Н. Русская классическая литература в КНР в 1977–1980 гг. // Русская классика в странах Востока. – М., 1982.

Ісаєва Н. С. Українська література в Китаї: проблеми рецепції. Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук. Київ – 2002. – 19 с.

Огнева О. Д. 1989. Твори поетеси китайською мовою // Радянська Волинь. – №41 (11829).

Огнева О. Д. 1991а. Вечірня година в Китаї // Молода Волинь. – №31–32 (3.794 – 3.795).

Огнева О. Д. 1991б. Леся Українка в перекладах Ге Баоцюаня // Доповідь на міжнародному симпозиумі «Леся Українка та світова культура». – Луцьк, Колодязное, 1991.

Огнева О. Д. Канон фенлю і особистий шлях Лесі Українки // Східний світ. – 1993. – №2. – С. 94–100.

Потічний Петро Й. Зустріч із Шевченком у Китаї // Відозва. – 1984. – № 1. – С. 184-190.

Потічний Петро. Китай у 1986 році. Враження з подорожі. //Відозва. – 1987. – №6-7. – С. 343-354.

Цзян Чанбін. Про перспективу українознавства в Китаї // Україна-Китай: шляхи співробітництва. Матеріали конференції (Київ, серпень-вересень 1993 р.). – К.: МПП „ІНТЕЛ”, 1994.

Чжу Хун, Хе Жунчан. Леся Українка в Китаї // Всесвіт. – № 3. – 1994. – С. 162–163.

Five Russian plays: with one from the Ukrainian / translated from the originals with an introduction by С. Е. Bechhofer. – London: K. Paul, Trench, Trubner; New York: E. P. Dutton, 1916.